Т.А. Исаченко-Лисовая

ПЕРЕВОД И ТОЛКОВАНИЕ В "ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКОЙ" ШКОЛЕ ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ "КОРМЧЕЙ" Ӯ-ой РЕДАКЦИИ)

Выявленные факты жизни, деятельности и творчества Евфимия Чудовского позволяют судить о нем, как об одном из плодовитейших и оригинальных авторов и переводчиков последней трети ХУП в. Полемист и проповедник, канонист и философ, переводчик и редактор, составитель и автор предисловий многочисленных сборников, первый русский библиограф, Евфимий активно работал во всех разновидностях и жанрах тогдашней московской книжности. "Для истории последних патриархов всероссийских, - подчеркивали авторы "Описания славянских рукописей", - необходимо знать, сколько новых переводов трудами этого инока и его школы приготовлено было к изданию, и какое участие принимал он во всех вопросах церковных своего времени"[1].

О значении для русской филологической традиции переводческих взглядов и ряда конкретных интерпретаций Евфимия пишут и современные исследователи. "Историческая ценность подобных попыток очевидна. Русская художественная мысль поднялась здесь до высокого уровня и проявила себя вполне самобытно"[2]. Между тем, степень изученности творческого пути и наследия названного автора не соответствует тому значению, которое он реально имел в истории русского языка и просвещения.

---

[1] Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. 3. М., 1862. С. УI.

[2] Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. 1976. С. 231.

Самое общее деление – на Запад и Восток – приводит к возникновению в среде русских книжников ХУП в. двух религиозно-политических ориентаций: "западников" и "грекофилов". Борьба этих направлений определила лингвистическую и литературную противопоставленность двух школ московского перевода. С одной стороны, чудовской кружок (Епифаний Славинецкий, Евфимий, Федор Поликарпов), с другой – школа Симеона Полоцкого. В качестве одной из характерных черт языковой ситуации исследуемого периода В.В. Виноградов отметил возрождение – в противовес надвигающейся на русский язык волне европеизации – традиций византийского витийства. В этом смысле ХУП век был назван исследователем "временем последнего, предсмертного расцвета традиционного средневекового мировоззрения".

Как показал анализ[3], в 80-90-х годах ХУП в. в Москве был осуществлен славянский перевод Новой редакции "Кормчей", ядром которой стал "Фотиев номоканон" в XIУ титулов[4], с непереводившимися ранее на Руси в полном объеме толкованиями Ф. Вальсамона[5]. Систематическая часть – собственно номоканон – содержится в двух рукописях Синодального собрания ОР ГИМ: Син. 475 и Син. 223. Хронологическая часть – полный текст правил с постатейным коммента-

[3]Исаченко-Лисовая Т.А. Номоканон с толкованиями Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского (конец ХУП в.). Особенности языка и перевода. // Вопросы языкознания. № 3. 1987. С. III-I2I.

[4]Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIУ титулов со второй четверти УП в. до 883 г. Спб., I905.

[5]Нарбеков В.А. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона. Ч. I-2. Казань. I899.

рием - соответственно в списках Син. 464 и Син. 224-225 (т. I-2). Своеобразным приложением к своду являются отдельно выполненные переводы: "Апостольских постановлений" ("Зачинений") Климента Римского (Син. 474, 92), "Синтагмы" Матфея Властаря (Син. 226), а также, переписанный Евфимием, перевод "Епитом или Сокращений" Константина Арменопула, выполненный в 1656 г. Епифанием Славинецким (Син. 129).

"Евфимиевская Кормчая", представленная как чистовыми экземплярами, так и большим количеством черновиков, дает нам обширный материал для лексикологических исследований. Многочисленные "переправки и переделки", являющиеся яркой отличительной особенностью стиля Евфимия Чудовского, неустанное глоссирование, постоянная экзегетическая активность в системе строка - поле - характерная для автора черта работы с результирующим текстом в процессе перевода.

Рукописи Евфимия испещрены многочисленными пометами и исправлениями, заменами одного слова на другое, параллельными чтениями, иноязычными глосами. Наши наблюдения позволяют выявить по крайней мере четыре этапа справы:

I) Правка черновика по окончании его оформления: замены поверх зачеркнутых и незачеркнутых слов, по подскобленному, глоссы на полях.

2) При переписывании с черновика в чистовик эта правка отражается двояким образом: а) исправленные по зачеркнутому и по подскобленному слова вносятся в чистовики как основные, беловые варианты; б) в ряде случаев дублетные варианты черновиков сознательно воспроизводятся в чистовиках.

3) Дополнительная работа над текстом чистовика, заключающаяся во внесении новых глосс к ранее исправленным чтениям без зачерки-

вания и исправления в самом тексте.

4) Возвращение к работе над первоначальным, черновым переводом; внесение новых и новых вариантов, уже избыточных по сравнению с учтенными в чистовике.

Охватывая достаточно широкий диапазон понятий и явлений, относящихся к жизни и укладу средневекового общества, кормчии дают обширный материал именно в лексическом отношении - с точки зрения лексических процессов эпохи формирования русского литературного языка; с точки зрения возникновения терминологических систем философии, права, церковного права. Управление церковной общиной, правила поведения в быту и социальном общении, посты и праздники, жизнь священнослужителей различных рангов и многие другие темы мирской и церковной жизни выносятся в подзаголовки постановлений.

В силу неразработанности терминологических систем русского ученого языка конца ХУП - нач. ХУШ века, изобретение терминов в языке Евфимия носит во многом экспериментальный характер. Образование отдельных лексем не регулируется строгими нормами, принципы номинаций и дефиниций тех или иных понятий нередко создаются вновь на одной лишь, более или менее точной аналогии с термином языка оригинала.

Отмеченные новообразования интересны с точки зрения изучения самой словообразовательной процедуры морфолога конца ХУП века. Действительно, присмотримся. Автор говорит о включении некоего лица в состав церковного клира (то, что по-русски почти тавтологически означает причьтен к причьту). Не удовлетворяясь отечественным словоупотреблением, автор пытается построить точную кальку для греческого κληρωθῆναι, κληρώσαντος. Возникшее вклиричествитися явно ориентировано на исходную основу клирікъ (греч. κληρικός 'причетник') и означает не 'причтение ко клиру',

'включение в число клириков'. Это объясняет закономерное смягчение заднене́бного, по аналогии владыка - владычество, мученик - мученичество. Видимо, последний вариант больше удовлетворял переводчика. Он использует его далее, когда ему понадобилось перевести греч. ἀποκεκληρωμένως и, соответственно, ἀποκλήρωσις, образуя кальки: клиричествованный и клиричество.

Интересна синонимическая пара литургийствующий - литургисующий. Первый вариант - от глагола литургийствовати 'служить литургию' - типичный образчик образований на -ств- от греческих основ. Второй вариант - и на нем остановился Евфимий, а затем и русская литературная норма - от глагола литургисати, точнее передающего фонетический облик греческого слова.

В целом, следует отметить, что из глаголов этого разряда, несмотря на наличие явно неудачных, многие прочно вошли в церковно-литературный обиход (кощунствовать, игуменствовать, кураторствовать). Последнее не означает, впрочем, что эти, закрепившиеся в узусе лексемы, все являются неологизмами Евфимия, некоторые восходят к более ранним этапам формирования древнерусской лексики, но активизируются в языке лишь в послеевфимиевское время (ср. единственную фиксацию кощунствовати по списку "Хроники" Иоанна Малалы XУ в.[6]

Любопытен случай образования причастия от имени собственного. Вместо павлIанский (по принципу кантианский) Евфимий пишет при редактировании павлианствующий, при зачеркнутом промежуточном варианте па..лствовавший, не удовлетворившем переводчика, видимо, по фонетическим причинам.

[6]Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. Спб. 1893. Ст. 1309.

Глагол съѱаломствуетъ, сконструированный Евфимием взамен прежнего переводящего сълагается, очевидно, образован переводчиком ошибочно, по свойственному ему временами влечению к наивному этимологизированию греческих непроизводных основ (съ -ѱалом-ств-у-етъ: συμψάλλει Апс. 10, толк. - Ркп. ГИМ, Син. 464-4°, л. 180об).

Тенденции поморфемного перевода, определяющей своеобразие переводческой манеры Евфимия, может быть дано несколько объяснений. Во-первых, как свидетельствует история славянских переводов, поморфемный перевод применялся в случаях, когда переводчик не мог найти для греческого слова близкого по смыслу ему славянского, т.е. при расхождении культур. Легко видеть что область церковно-канонической и юридической терминологии, с которой сталкивался Евфимий при осуществлении нового перевода византийского "Номоканона", как раз и принадлежит выделенной выше сфере "расхождения культур". Более того, даже спустя два века после Евфимия, в пору расцвета русского канонического права, переводчик "Номоканона" Фотия в XIУ титулов с толкованиями Вальсамона" В.А. Нарбеков, признавая несовершенство выполненного им перевода, писал: "... в свое извинение можем сослаться на трудность средневекового византийского текста и крайнюю по местам сжатость в изложении гражданско-византийских законов, не редко переполненных искусственными юридическими терминами, так что часто без снесения сжатых формул Вальсамонова текста и текста Номоканона с более широким уложением параллельных гражданских законов, а также без ученых комментариев, нельзя бывает и понять их смысла..."[7]

В гораздо большей степени те же трудности в передаче архи-

[7]Нарбеков В.А. Номоканон константинопольского патриарха Фотия. Ч. I. 1899. С. IX.

усложненной византийской терминологии стояли в ХУП веке перед не имевшего специальной юридической подготовки справщиком Евфимием. В этом смысле следует признать, что используемый им прием поморфемного калькирования был, возможно, в ряде случаев оптимальным способом конструирования терминов, зачастую весьма далеких от русской жизни, ее культурной и юридической традиции.

Что касается процесса усвоения тех или иных текстуальных грецизмов в последующем языковом развитии, то здесь можно привести целый ряд интересных примеров из самых различных областей.

Так, хорошо известное мим, употреблено Евфимием при переводе тринадцатого титула "Номоканона" (I3.2I). Есть основание считать его одним из первых отечественных словоупотреблений, не уступающим хронологически наиболее ранней фиксации СлРЯ XI-ХУП вв.: "мим-скоморох" (т. IX, с. I57) (ср. древнее: игрьникъ). А предложенный в качестве варианта к тому же слову термин скиник, в отличие от усвоенного современным литературным языком мим, остался его окказионализмом, равно как и нововведенные слова скиния в значении 'театр' (Син. 464, л. 22), скиничество ('сценическое искусство', 'театральная жизнь') и глагол скинствовати 'играть на сцене' (Син. 475, л. I7I), хотя производные от того же греческого корня термины "сцена", "сценография" и т.п. типичны для современной театральной лексики.

Магия вм. волшебство и магъ вм. вълхвъ вводятся Евфимием в один из разделов девятого титула "Номоканона", содержащий полную номенклатуру лиц, уличаемых в колдовстве (9. 25): о магахъ и напѣвателяхъ (καὶ ἐπαοιδῶν), и астролозѣхъ, и маѳиматицѣхъ, мантеахъ и периаптѣ (ср. чтение "Ефремовской Кормчей" ХП в.: о волсвѣхъ и ѡбавницѣхъ, травницѣхъ и звѣздословцѣхъ (вар.: звѣздочетцѣхъ), и маѳиматицѣхъ, и вѣщикахъ, и чародѣяхъ и наузѣхъ).

В другом месте Евфимий подчеркивает при переводе термина маѳїматікъ наличие неотмеченного ранее в славянских текстах негативно окрашенного коннотата "числогадатель"[8].

"Кафедры – рѣкше сѣдалища", "сандалія – рѣкше сапоги". Подобные дифиниции можно часто встретить в текстах евфимиевского перевода. Что касается последнего, то интерес представляет комментарий архиепископа Симеона Солунского, касающийся символического назначения одежды новопостриженных монахов. Белые сандалии (обвязки) греч. σανδάλια λευκά , предназначены для того, "дабы монах не повредил мысленных ног души, не был уязвлен мысленными змиями в пяту помыслов, но чтобы наступал на них и попирал льва и дракона, скрытых завистливых зверей злобы, чтобы неуклонно поспешал по пути евангельскому". Такому представлению о символе монашеской обуви более всего соответствуют высокие прочные русские сапоги – обувь дальних странствий и путешествий по опасным дебрям.[9]

[8] Следует заметить, что для средневекового сознания исключительно типичны представления о взаимосвязи математических знаний с темными силами. В этом плане показателен диалог знаменитого папы-чернокнижника Герберта – Сильвестра с одним из верховных бесов по имени "Математик": Парницкий Т. Серебряные орлы.

В 1899 г. числогадатель, усвоенный традицией, попал в соответствующий титул "Номоканона" при переводе этого места Василием Нарбековым.

[9] Перевод Творений Симеона Солунского осуществлен Евфимием в 1686-1689 г. (ркп. ГИМ, Синод. собр. № 654). Цит. по изд.: Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 117.

Перевод 1899 г.: и как наш синклит носит обувь или сандалии из белого полотна (с. 233).

Перевод Евфимия: и нко наш сиглит носить подвязала или сандалия (рекше сапоги) бѣлыя съ платы.

Перевод "Кормчей" 1649-1653 г. (первопечатной): и сѵати – мимо ѣздящих обувеньми, сирѣчь белѣйшими одѣяньми по ногам имущих: якоже сими и наш синклит одѣваетсѧ.

Как видим, толкования Евфимия точны и конкретны. Более того, они опираются на солидную канонико-герменевтическую традицию, представленную фигурами отцов церкви. В своем предисловии к переводу творений Симеона Солунского Евфимий предостерегает читателей: "Исправляти же что, сущия зде хотяй (т.е. если кто-либо захочет что-то исправить в переведенном тексте), – не от себя самого да исправляет, да не самомнителен, ниже удободерзостен, без греческих книг и совета мудрых кто либо да будет; да не уподобится кривому правилу, правая кривящему (по пословице, глаголющей: кривое правило и правое кривит), и да не како, мняся нечто исправляти, и право положенная искривит; но всячески погрешенная зде хотящему исправляти (т.е. тому, кто захочет что-то исправить) подобает с греческия книги исправляти, а не иначе" (цит. по ркп. архангельской семинарии под № 355)[10].

В дальнейшем, интересно было бы проследить пути проникновения грецизмов в живую речь архангельских поморов (ср. тектон 'плотник, строитель', навклир 'кормщик' в "Устьянском правильнике"

[10] Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. – Сборник ОРЯС Имп. АН. Т. 29. № 1-4. Спб. 1882. С. 99-101.

и других пересказах Б.В. Шергина[11]. Ведь именно в скриптории Афанасия Холмогорского, судя по рукописям Архангелогородского и Соловецкого собраний БАН, активно переписывались в конце ХУП в. труды Евфимия[12].

Усвоение тех или иных групп грецизмов лексической системой русского языка представляет, на наш взгляд, далеко не решенную задачу. Порой приходится сталкиваться с тем, что памятники активно грецизирующие представляют собой как бы "островные" образования в общерусском языковом процессе (к примеру, "Алексиевский Новый Завет"). Одни лексические грецизмы появлялись, другие исчезали, третьи меняли свою транскрипцию, а иногда и семантику - так что от грецизмов первых кирилло-мефодиевских переводов до грецизмов Евфимия Чудовского мы имеем долгий исторический путь развития, заслуживающий особого внимания и изучения.

В силу того, что общественное сознание на каждом историческом срезе являет собой цельную связанную систему, памятники традиционного содержания, в том числе "Кормчие", самым непосредственным образом связаны с основными духовными, идейно-политическими, классовыми движениями эпохи. Так, начало ХУI века дает нам три типа "Кормчих", связанных с тремя конкурирующими группировками: "Кормчая" Ивана Волка Курицына, связанная с кругом "жидовская мудрствующих", "Кормчая" Вассиана Патрикеева, отражающая идеологию "нестяжателей" и иосифлянская "Сводная Кормчая". В этом смысле, "Евфимиевская Кормчая" конца ХУП века также несет на себе отчетливый отпе-

---

[11] Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л., 1984.

[12] Викторов А.Е. Описи рукописных собраний северной России. Спб., 1890; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л. 1917.

чаток социального и группового заказа.

С одной стороны, переводчик должен был дать новое и точное толкование местам, превратно толкуемым идеологами старообрядчества, т.е. проявить себя в следовании тексту греческого оригинала более строгим традиционалистом, чем сами начетчики-старообрядцы. С другой стороны, в этой чрезвычайной степени точности актуализовались переводческие и герменевтические принципы, противопоставляющие ортодоксальную "еллинословенствующую" школу Евфимия соблазнам и искажениям "латинствующего" и "протестанствующего" переводов.

Подведем некоторые общие итоги.

Говоря о школе перевода в применении к конкретно взятому переводчику, мы имеем в виду способ оценки деятельности переводчика и ее литературных результатов по следующим параметрам.

I. Выбор исходного текста. Решающее значение здесь имеет ориентация на конкретную культурно-историческую и идеологическую традицию, на определенный культурный ареал, конкретные язык и памятники данного языка.

Общее деление на "грекофилов" и "западников", традиционно сложившееся в нашей науке, не отражает всей сложности картины. Внимательный анализ позволяет выявить во второй из названных школ, в свою очередь, две религиозно и культурно окрашенные тенденции, отразившиеся в различных установках переводчиков. Это, во-первых, линия "латинствующих" (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев), во-вторых - линия "протестанствующих", ярким представителем которой был переводчик "Псалтири" 1683 г. Аврамий Фирсов[14]. Хотя предста-

[14] Исаченко-Лисовая Т.А. Две школы московского перевода второй половины XУП века. - Рук. деп. в ИНИОН АН СССР, 1985, № 20943 от 31.5.85. 19 с.

вители обоих указанных направлений зачастую работают в рамках одних и тех же культурных ("западнических") и даже языковых традиций (польский литературный язык; проста мова), они все же различаются между собой, и не менее отчетливо, чем лежащие в их основе школы перевода Иеронима и Лютера, ориентации на "Септуагинту" и на "Масоретскую Библию". В последующую, петровскую эпоху, эта противопоставленность реализовалась в полемике Стефана Яворского и Феофана Прокоповича.

К отдельному, четвертому уже по нашему счету, направлению могут быть отнесены "глаголемыя старообрядцы", лингвистическая позиция которых характеризовалась обособлением как от западных ("немецких"), так и от восточных ("греческих") нововлияний[15] (вспомним обращение Аввакума к царю Алексею: «умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? воздохни-тко по старому..., и рци ко русскому языку: "господи, помилуй мя грешнаго!", а киреле́йсон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не уничижай ево и в церкви и в дому; и в пословицах. Как нас Христос научил, так и

[15] «У патриарха Иоакима и у протопопа Аввакума подход к новому искусству как будто один и тот же, - замечает по поводу богословских споров того времени Л.Успенский, - оба судят о нем главным образом с точки зрения аскетической практики и осуждают его как "новомышленное", "по плотскому умыслу". Однако, контекст их аскетической практики и вытекающего из нее суждения различный. Для Иоакима искусство это неприемлимо в храме, в Церкви. Для Аввакума же оно неприемлимо в плане национально государственном... "Ох, ох, бедная! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев"» - Цит. по кн.: Успенский Л. Искусство ХУП века. Расслоение и отход церковного образа. Вестник Русского Западно-европейского Экзархата.

подобает говорить...» - Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960, с. 159).

Что касается языковой ориентации чудовской школы перевода, то здесь следует заметить, что если переводчики, ориентировавшиеся на Европу, имели достаточно широкий выбор исходных текстов на различных языках (латинский, немецкий, польский и др.), то чудовская школа ориентирована на византийское православное наследие, в его традиционных формах и византийским греческим языком. Закономерно определяющий стиль представителей этой школы получил название "еллинословенского"[16].

2. Выбор результирующего текста. Под этим мы понимаем ориентацию переводчика на определенный, более или менее идеализированный тип текста; то, каким бы хотел - сознательно или бессознательно - переводчик видеть в конечном счете свой переводящий текст. Выбор результирующего текста определяется, в свою очередь, рядом параметров:

- языковая, диалектная, социолингвистическая принадлежность переводчика;

- собственно школа, принадлежность его как автора и переводчика к определенному направлению, учению, группе; совокупность усвоенных им к началу работы и в процессе ее - знаний, методов, навыков, технических приемов;

- степень устойчивости языковых норм - орфографической, грамматической, лексической - в языке переводчика.

Острая полемика по вопросу о переводах, их лингвистической и идеологической ориентации показательна для культурной истории Руси

[16]Соболевский А.И. История русского литературного языка. - Л., 1980; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков. - Изд-е 3. М., 1982.

ХУП в. "Еллинословенская" школа перевода Епифания Славинецкого – Евфимия Чудовского, противопоставленная "латинствующей" и "протестанствующей" школам, имела бо́льшее значение в истории языка и отечественной филологии, чем обычно считается. Было бы неверно оценивать данное направление как однозначно реакционное и тупиковое. Скорее, историк языка имеет здесь дело с ярким примером нарушения линейности, характерной для послениконовского и раннепетровского времени, безусловно заслуживающей дальнейшего внимания и изучения.